

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ВРАТА УЧЕНОСТИ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Марик Лернер
Цель неизвестна.
Врата учености

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 110

Лернер М.

Л49 Цель неизвестна. Врата учености: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 345 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2164-0

Легко издавать указы с благими пожеланиями улучшить, усилить, ускорить. Сложнее добиться их исполнения без наличия грамотных и ответственных людей. Очень просто объяснить про необходимость иметь свободные руки для развития страны.

В теории все в курсе, что рабство — это плохо. Но если у тебя во владении есть деревня, неужели откажешься от стабильного дохода? А где набирать людей на новую фабрику? Покупать, отпускать на волю и при этом чтоб продукция дешевле была. Так не бывает.

Вот здесь и заканчивается теория, а начинается практика. Реальность куда сложнее представлений. Совместить несовместимое и себя заодно не обидеть — вот задача, решения которой не найдешь в конце учебника. Дерзай, бывший школьник, и учись думать собственной головой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2164-0

Часть первая

СТОЛИЧНАЯ ШТУЧКА

Глава 1

СЕРЬЕЗНАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

Грянул дружный залп из многочисленных ружей, ему ответили двести пушек Петропавловской крепости.

— Гав, гав, гав, — дружно пролаяли войска, приветствуя проезжающий кортеж. Во все века это звучит одинаково мало-разборчиво и бодро. Единственно, вместо анекдотичного подвывания на вопрос о жизни раздается бодрое «ура».

Губернатор Петербурга Миних расстарался на всю катушку.

Мы ехали вдоль многочисленных роскошных триумфальных арок под крики толпы, фейерверки, салюты и рев выстроенных длинными рядами войск. Даже мне, при всем неумении разбираться в мундирах, заметно — сюда нагнали всех подряд. Помимо гвардейцев и пехтуры мелькали моряки и артиллеристы. По самым приблизительным прикидкам, тысяч тридцать вояк собрали, не меньше. И это в городе на полсотни тысяч жителей.

Практика добровольно-принудительного посещения радостного мероприятия ничем не отличалась от знакомой по нашей реальности. Все обязаны присутствовать, а то возьмут на карандаш. Въезд царицы в столицу нашей родины после длительного перерыва под определение праздника, безусловно, подходит. Улицы подметены, дома, по которым следует процессия, свежепокрашены. Кругом порядок, а на лицах счастье. Движение под колокольный звон и пушечный салют, а всяческого рода народ прилежно кричит «виват!».

А может, я натурально все и всех перепутал и людям реально интересно посмотреть вблизи на представление? Все же не каждый день цари заявляются. Да и телевизоров пока не изобрели, чтобы в теплой комнате, на мягком диване развалюсь, наблюдать со стороны. А разговоров неминуемо ожидается много.

На самом деле наша немаленькая компания появилась здесь еще вчера, 16 января 1732 года. Или, как звучит по-здешнему, «от Рождества во плоти Бога слова 1732, индикта 16, месяца януария». Никогда даже не подозревал о подобном выражении насчет плоти. Натурально параллельный мир. Очень похож, да иной раз как вылезет!

Собственно, я к тому, что Анна Иоанновна, к неизреченной радости здешних жителей, из Москвы счастливо сюда прибыть изволила и заночевала в бывшем доме Якова Брюса возле Литейного двора. То есть как бы не в городской черте. Поэтому и встреча смотрится нормально. Золоченая карета, запряженная восьмеркой красивых лошадей, следует вдоль перспективы (Невского проспекта). Дворцовый поезд, то есть кареты со свитой и важными лицами, движется следом.

Ничего спонтанного и случайного вокруг ея величества не происходило. В доме Брюса заранее навели порядок, почистили. Самое забавное, что мебели в царских дворцах не имелось. Мы, точнее, целый обоз, тащил ее специально. Каждый раз обставлялось помещением сызнова. По мне, дикий обычай. В дороге и при погрузке-разгрузке что-то обязательно ломается и исчезает. Ладно бы возить с собой личные вещи, но шкафы и столы?!

Хотя спать на привычной кровати, наверное, много приятнее. Жаль, реально не проверить. Моя исчезла где-то в самой глубине табора, и разыскать пока не удалось. Не до того. Я птица не самого высокого полета и в компании со столь же мелкими дворянчиками могу и на полу отдохнуть. Во всяком случае, пока все не доведут до ума. В первую очередь обеспечивать положено начальство. Когда дорасту до высокого чина, тогда и побеспокоятся о моем комфорте.

Честно сказать, в прежней жизни я Питер не удосужился посетить, но после Москвы вряд ли можно было ожидать увидеть здесь сильно знакомые пейзажи. Даже при условии проезда через самую благоустроенную старую часть города. Но выглядело все очень странно. Огромные пустыри — и рядом нарядные дворцы.

— Вы устали? — негромко спросила госпожа Адеркас. — Ваше высочество? — не дождавшись ответа, позвала вторично.

— Свет в глаза бьет, — пробормотала Лиза по-русски.

Я невольно напрягся. Солнце было с другой стороны, с чего бы ей жаловаться. Кроме того, немка по-нашему выучила три слова и вряд ли что поняла. Для воспитанницы достаточно странно, она таких вещей не должна забывать. Что-то не слава богу.

В очередной раз отвлекаясь, забыл о своих прямых обязанностях. Мое дело — бдить и наблюдать за Лизой, а не крутить головой по сторонам. Мало ли что в карете присутствует весь курятник, начиная от гофмейстерины и заканчивая двумя француженками и тремя фрейлинами. Слава богу, мамаша со своими служанками в отдельном экипаже располагается. И пустили-то сюда со скрипом, просто потому что вроде как свой. В женском коллективе не место. Могли и к лакеям определить — спасибо, числюсь под званием «личный секретарь». Положение позволяет смотреть на прислугу свысока и претендовать на место внутри экипажа.

Двигаться внутри кареты оказалось не слишком удобно. Распрямиться по-человечески не получается, держаться не за что — если только за воздух да за девиц. Еще и швыряет на выбоинах. Наверное, так чувствуют себя в маршрутках. Хотя никогда на себе не проводил испытания.

В детстве даже на автобусе не ездил. Отвозили и привозили на джипе. Хорошо еще за ручку в класс не водили и под дверями охранники не торчали. На меня и так косились, притом школа была из привилегированных. В нашем городе считалась лучшей, и с улицы туда не брали. Английский я оттуда вынес, за что искренне благодарен. Весело было бы мне в швейцарском интернате, не умей я изъясняться по-ихнему.

— У нее температура, — добравшись до ея высочества и бесцеремонно пощупав лоб, объявил во всеуслышание. — Говорит прям не хуже печки.

Тут по логике требуется возопить: «Вы куда смотрели!» — но крайне неуместно. Мало того что я сам проморгал, так еще начнем выяснять отношения. Не ко времени. Крайнего найдем без проблем задним числом. А вот с Лизой явно нужно что-то делать. Добрых тридцать восемь градусов на ощупь, без термометра никак не ошибешься. Может, и больше. Не было печали.

Е-мое! У нее еще и пятна на лице. Только не оспа! Я не мог так ошибиться! Господибожемой, не оспа это! Не может такого быть!

— Врач нужен. Лучше Санхеца позвать. И ехать во дворец. Срочно.

— Как же так! — всплеснула руками пруссачка. — А торжественный молебен в Исаакиевской церкви?

— Упадет там в обморок — что люди подумают?

— Я? — вяло пробормотала Лиза. — Нет!

— Плохая примета для царствования, скажут.

Этот аргумент ее, похоже, пронял. Госпожа Адеркас больше не колебалась. Тут уж точно она из России вылетит с дурными рекомендациями. Уверенным тоном принялась раздавать приказания. Это ее прерогатива, не моя, а то и разговаривать бы не стал. Когда требуется, наша гофмейстерина не хуже Акулины Ивановны всех строит. Не зря ее пригласили. Посмотрит, и сразу хочется встать навытяжку.

Очень скоро мы неслись против течения под крики кучера: «Дорогу! Дай дорогу!» Ну и под соответствующую ругань. Девочки с интересом прислушивались.

Из кареты я вынес Лизу на руках. В принципе, наверное, и сама бы дошла, но когда пожаловалась еще и на головную боль, я рисковать не стал. Веса в ней немного, не перетружусь. А нарушение этикета спишем на крестьянскую дубоватость. Еще не хватало, чтобы действительно упала. Люди все видят, а язык каждому не пришьешь.

После коротких препирательств с раззолоченным павлином — то ли высокий чин, то ли открыватель дверей — мы всей толпой проследовали за очередным проводником. Как обычно, с успехом подтверждая несостоятельность даже имеющихся знаний (картинки я видел), никакого Зимнего дворца в природе не оказалось. На его месте стоял совсем другой, почему-то именуемый Адмиральским домом.

Что любопытно, говорливый слуга поведал на ходу, что перестройка его началась еще в декабре 1730 года. Похоже, перебираться из Москвы Анна Иоанновна задумала с самого начала. А вот этого я уже не понимаю. Чужой для нее абсолютно город Петербург. В Москве в детстве жила и должна была сохранить приятные воспоминания. Нет, носится туда-сюда.

Переделки, переезды без конца и края. Это же не на поезде или самолете. Добрый месяц тащились, хотя расстояние совсем небольшое. Меня лично поездка всерьез достала. Хуже только паломничество с Елизаветой Петровной. С утра не знаешь, чем займешься вечером и где. Ни порядка особого, ни плана предварительного.

— Нельзя сюда! — встав на пороге, вскричал очередной лакей в раззолоченных одеждах. — Еще не готово.

Молча отпихиваю плечом и прохожу внутрь. Натурально мебель не поставили, на окнах занавески отсутствуют, и вообще достаточно неуютно. Помещение большое, но пусто здесь и плохо протоплено. Холодно.

По слухам, мебель еще и потому перевозили, что Анна Иоанновна боялась порчи, всяческого колдовства, особенно когда в Курляндии обнаружила под кроватью куриные косточки. Кто-то явно желал извести ее, тогда еще, правда, не императрицу. Мысль, что собачка могла затащить и устроить тайник, сразу отметалась. Раз рядом обнаружен волос, непременно некто задумал погубить.

— Шубу положите сюда, — говорю приказным тоном.

Укладываю Лизу, наваливаю сверху еще одну.

— Одну минуту, — говорю ей тихонько, обратив внимание, как прикрывает покрасневшие глаза. Не так уж много света. — Сейчас окна закроем. Ты здесь старший? — спрашиваю продолжающего возмущаться павлина.

— Я же говорю...

— На! — Бью в зубы так, что рука заныла, а он аж к стене отлетел. Катя радостно взвизгнула. Судя по горящим глазам, чисто для проформы. Ее все происходящее скорее забавляет. — Встать!

Он поспешно вскочил, не дожидаясь, пока примутся бить ногами. Нравы здесь достаточно простые, и вряд ли я первый сильно недовольный. Сатисфакции он от меня не дождетя, даже если и имеет титул, в чем сильно сомневаюсь. Я все равно не умею фехтовать и не соглашусь.

— Чтоб через четверть часа здесь стояла кровать, окна занавешены и в комнатах было тепло. Иначе я тебя, паскуду, на части порву. Возьму за ножки твои кривые и разорву. Понял?

— Да, господин, — поспешно отвечает, размазывая юшку по лицу. То ли зуб ему выбил, то ли парочку, но слюна красная.

— Остальным займешься после исполнения данного приказа. Как-то: обеспечить малый двор всем положенным, включая стулья, еду и горячие напитки. — Чего стоишь? Действуй!

— Как вы его, — пробормотала госпожа Адеркас, — Михаил Васильевич?

— *Wer lange droht, macht dich nicht tot*, — без особой радости отвечаю. — Кто долго грозит, тот тебя не убьет. У меня нет времени объяснять и упрашивать. Сначала исполнение, затем — объяснения.

— Мне тоже нужно кулаком по мордам? — Последнее слово она произнесла на русском с отчетливой насмешкой.

— Настоящая... умная женщина никогда не кричит на мужчину... Приказы отдаются спокойно, четко и ясно!

— Вбивать можно только тот гвоздь, который вбивается.

Это очень похоже на хорошо знакомое: «Приказы отдаются, только если уверен в их исполнении». В сущности, так и есть. На некоторых правильней воздействовать не прямыми указаниями, а исподволь. Но то в теории. С ходу иногда сложно разобраться и гораздо удобнее двинуть вгрызлом. Впрочем, я не особа слабого пола. У них свои методы, ничуть не хуже.

— Женщинам, — со всей возможной серьезностью говорю, — карьера дается труднее, ведь у них, помимо отсутствия больших кулаков, нет жены, которая толкала бы их вперед.

Мы улыбнулись друг другу. Кажется, она не столь уж похожа на воблу. Разве внешне. И юмор понимает. Да и ко мне до сих пор нормально относилась — без особого панибратства, но и не свысока. Я сам виноват, что вычеркнул пруссачку из мысленных расчетов, записав в чьи-то конфидентки. Надо бы исправиться. Встречаться нам еще долго, и биться лбами излишне. У нее своя сфера деятельности, у меня другая.

— Корь, — сказал Санхец после осмотра. Мне почти физически полегчало. Аж камень свалился с души. Очень увесистый. И дело даже не в том, что бы со мной сделали. Хотя себя, безусловно, жалко, и даже очень. Это означает полный провал в самом важном из моих достижений и откат в неизвестность с плевками в спину. Вакцинацию прикроют лет на сто по минимуму. — Обыкновенная корь.

Тут даже я в курсе. От этого не помирают. Все дети рано или поздно болеют корью, краснухой и свинкой. Правда, помимо названий, я еще помню, что свинка опасна во взрослом возрасте: приводит к бесплодию. А с симптомами швах. Собственных детей не успел завести и не в курсе, чем болел в детстве. Причем в обеих ипостасях. Не отложилось в голове.

— Я зря запаниковал?

— Почему? Часто промедлить с помощью — как у вас говорят, авось само пройдет, — вроде как вообще не помогать... Вы все сделали очень правильно. Если не обеспечить правильного режима, могут случиться и осложнения. А это очень неприятно. Вплоть до глухоты.

— А правильный — это как?

Гофмейстерина покосилась на меня с любопытством. Даже если бы знал, не мешает уточнить. Вот ей, наверное, известно: не первый ребенок, у коего в качестве гувернантки. Случайно к принцессам не попадают. Надо бы уточнить, кто порекомендовал.

— Изолировать от окружающих, в особенности от детей.

Я посмотрел на госпожу Адеркас.

— Я проверю, кто болел, — согласилась без второго слова. — Остальных вон. — И удалилась к остальным, вызывая зависть своей изумительно прямой спиной. Я вечно сутулюсь. И в том теле, и в данном заново. А у нее будто в платье засунули доску. Позвоночник не сгибается и, пожалуй, даже не может согнуться.

— Постельный режим, — продолжил доктор, — и жидкая пища. Затемнять комнату необязательно, но и не мешает.

— И как долго?

— Дня три-четыре общее недомогание, вялость, разбитость, понижение аппетита, нарушение сна, головная боль. Возможно усиление насморка, появляются грубый кашель и сыпь. Сначала лицо, затем туловище и руки, потом все остальное. Кстати, уже наблюдается. Очень скоро сыпь побледнеет и исчезнет.

Он подумал.

— Симптомы пропадают в обратном порядке. Расчесывать не рекомендуется.

— Завтра...

— Безусловно, зайду, — он почти обиделся. — Сейчас обязан представить доклад императрице.

Ну это понятно. Доложить обязан.

— И это... Постарайтесь не особо пугать Екатерину Иоанновну... — В смысле родную мамашу. — Ничего особо ужасного не произошло. Все дети через это проходят, и очень вовремя заметили.

— А что с ее матушкой?

— Она и так тяжело больна.

— Что с ней?

Санхец всем видом продемонстрировал, насколько неуместно мое любопытство. Женские немощи и болезни не для праздного разговора.

— Извините, — повинился.

Еще раз поблагодарил и за расторопность, а он в ответ закатил глаза к потолку. Видимо, достала доктора моя выпренность. Он исполнил долг, и нечего за это рассыпаться в благодарностях. Присмотр за членами императорской семьи входит в его обязанность. За то и деньги немалые получает.

— Надо признать, — светским тоном сказал Санхец, явно подводя черту под лекарской консультацией, — ваш совет оказался недурен. Трудно было найти для дальней дороги что-нибудь лучше, чем русские колмогорские сундуки.

Ну еще бы. По зрелом размышлении я к своим бывшим хозяевам квартиры направил. Им хорошо — и мне дополнительная благодарность. Не в Архангельск же натурально посылать. А наши поморские сундуки были не тяжелыми, прочными и не слишком дорогими. Внешне красивы, оковывались железом и медью, обтягивались тюленьей кожей и снабжались замками с секретом.

Федор Пятухин с семьей делал их самого разного размера, на любой случай. Имелись огромные, которые нельзя везти на крыше кареты, а только на багажных возах. По желанию делали и небольшие. Короче, любых размеров, вплоть до возможности вкладывать один в другой. Это я проверил уже самостоятельно. Освободил от имущества или там еды по дороге — вложил. Место освобождается, и выкидывать не надо. Все под рукой. Появилось новое добро — извлек и загрузил наново.

— У нас в стране много замечательных людей и вещей. Надо лишь знать, куда обратиться.

Глава 2 ПО ДЕЛАМ И НАГРАДА

— Фридрих Вильгельм в некоторых отношениях очень похож на вашего императора Петра, — сказала госпожа Адеркас, отвечая на мой вопрос о Пруссии.

Основная работа по изоляции больной и сопутствующим делам проведена, лишние люди разогнаны. Полезные получили указания. За куриным бульоном и самоваром (горячий чай живителен) отправлены слуги. Мы просто вежливо беседуем о том о сем. Гофмейстера отнюдь не глупа и многое знает. А мне интересно.

— Он ведет себя очень просто, будто и не монарх. Может зайти в крестьянский или в бюргерский дом. Король без стеснения заглядывает в кухонные горшки и ведет с хозяйками непринужденные беседы о последних ценах на рынке. Потом проверяет на дворцовой кухне, по каким ценам продукты приобретены. Нет, — возразила на не произнесенное, но, видимо, достаточно понятное, — не из жадности. Он хочет знать о реальной жизни, окружающей его. Хотя, — она слегка улыбнулась, — умеет и для своего кармана извлекать пользу. Один случай оказался достаточно громким. Однажды он отведал у садовника бараньей требухи с белокочанной капустой, пришел в восторг и приказал приготовить это блюдо. Затем он спросил главного повара о цене кушанья — ведь садовник назвал ему смешную сумму в полтора гроша. Повар сообщил, что блюдо стоит три талера. Фридрих Вильгельм выскочил из-за стола и буковой палкой отсчитал ему разницу между этими суммами.

— О! Это по-нашему. Действительно натуральный император Петр. Чуть не по его — дубиной.

— Je mehr Ehr', je mehr Beschwer¹, — очень серьезно подтвердила она.

С этим я не могу не согласиться. Чем больше чести, тем больше трудностей у тебя. Только вот соотнести с королевскими возможностями никак. Стал бы я стесняться и кого уговаривать, угоди не в крестьянского сына, а в царского. Быст-

¹ Чем больше чести, тем больше трудности (нем.).

ренько бы все запрыгали под дирижерскую палку из крепкого дерева.

Хотя... если нормально подумать... ну его. Не в России. Они вечно плохо кончали. В смысле — царские дети. Да и спросить меня как-то позабыли. Если было кому интересоваться. Я уже не очень верю в некую миссию или высшие силы. Ни в чем они не проявляются. И глас с небес не раздастся. Не говоря уже о не слишком удачном подопытном экземпляре. Ни многолетнего умения воевать, ни интриговать не имею в прошлом жизненном опыте. Ну да, пока устроился совсем недурно, но что от того Богу или инопланетянам — тайна для меня глубока. И думать о том уже давно не хочется.

— Его дом, его двор, его страна — все это для нашего короля одно и то же. И он действительно заботится о своем народе. В королевских доменах крестьянам живется много легче, чем у помещиков. В городах ремесленники получают льготы. Король даже прямо запретил продавать шерсть и другие необработанные товары за границу. Только ткань и изделия!

Очень хотелось спросить, чего она тогда приехала в дикую Россию, если в ее разлюбезной Пруссии столь замечательно живется. Только оказалось не ко времени.

Издалека донесся топот множества ног, и достаточно скоро помещение заполнилось толпой народу. Ея величество Анна Иоанновна самолично прибыла с проверкой в сопровождении множества высокопоставленных лиц.

При всем старании я половину не успел запомнить даже в лицо. Правда, от меня этого и не требовалось. Малый двор был в основном пятое колесо в телеге. Никакого влияния на политику любого рода — экономическую, внешнюю, внутреннюю — оказать не мог. Придворные замечательно чувствовали направление ветра и зря себя не утруждали. Если Елизавету Петровну просто боялись без веской причины посещать, то Лиза получала лишь поклоны и заверения в искренней преданности. По большей части пустые слова.

Головная часть процессии в сопровождении ощутимо побледневшей гофмейстерины проследовала в покои. Ее императрица позвала почти незаметным жестом, поманив пальцем. Лично меня никто не стал приглашать. В каком-то смысле даже спокойнее. Основную задачу по обеспечению комфорта и

изоляция больной выполнил — дальше уже вмешиваться не стоит.

Вот чего они дружно поперлись внутрь? Сами теперь разнесут болезнь. Допустим, кори не боятся, но заразить кого — запросто. Не мог не объяснить Санхец таких вещей. Плевать. Моя должность не медицинская, чтобы кидаться под гусеницы с гранатой в надежде остановить начальство в его вечной дурости. Пусть с последствиями сами разбираются.

— Вы слышали о новом высказывании господина ТрEDIAковского? — негромко спросил появившийся рядом князь Одоевский после соответствующих приветствий. Насколько мне известно, все его достоинство состоит в наличии деда-боярина и соответственно высокого самомнения. Не может не подколоть при случае мужика из простонародья. Ну почему бы не ответить тем же.

— Это тот, что переводчиком в Академии наук устроился, Иван Васильевич? Еще какой-то фривольный романчик французский на наш язык переложил?

Он на мгновенье от эдакой наглости аж потерял дар речи, токмо глазами хлоп-хлоп. Ожидал, что примусь нечто доказывать, а я вроде в первый раз слышу. Вся образованная Россия — а это означает не очень большое количество народу — недавно получила замечательное поле для обсуждения. Тот самый ТрEDIAковский, непонятно из каких соображений считающий себя великим поэтом, разразился в ответ на мою статью «О правилах российского стихотворства» бочкой желчи и кучей коричневой субстанции.

Я, честно говоря, не очень удивился. Обязательно кто-нибудь да нашелся бы. Конкуренция среди виршеплетов всегда переходила в открытую ненависть и грязные разборки. С одной стороны — плюнуть и растереть. Пиар есть пиар, черный тоже полезен. Мое имя у всех на слуху. С другой — мало приятного, когда тебя на всех углах поливают. Тем более в моем случае.

Я три месяца старался, писал. Черкал и перedelывал. Исправлял и добавлял. Никогда так не старался, даже со статьями об оспе. Там все четко и ясно: факты, сделано, результат, свидетели, количество опытов; проверка и прочее. Расписано по

пунктам, включая выводы и предположения. С литературой так не выйдет: каждый мнит себя великим специалистом.

Нам в Спасской школе так прямо и утверждали: должна быть рифма с ударением на предпоследнем слоге (женская). И никак иначе. Но это же дурь реальная! Правило использовать женскую рифму пошло от польского языка и отражает особенности чужого, пусть и славянского, наречия.

В русском языке ударение может падать на любой слог. Поэтому слепо следовать правилам, подходящим для Польши, противоестественно для России. Стихи следует сочинять по природному свойству нашего языка, а не насиловать их, укладывая в прокрустово ложе чужих правил. Даже несколько вариантов рифмованных сочинений привел и указал на необходимость отстаивать чисто русские традиции в говоре и стихосложении. Добавил о важности искать наиболее адекватные способы развития языка, сообразуясь с потребностями эпохи. Что за низкопоклонство, в конце концов! Поменьше высокопарности и заимствований. Где без иностранных слов обойтись нельзя, никаких проблем. Но употреблять без разбору?!

— Он подробно разбирает ваши вирши, Михаил Васильевич, — разродился желчью князь, — и указывает на недостаточное знание московского говора.

— Мы вроде в Петербурге находимся, — удивился я, поставившись передать недоумение голосом. — Неужели и здесь нет отличий?

— И все же было бы неплохо ответить, — обернувшись, сказал барон Строганов.

Младший сын того самого солепромышленника Строганова. Не знаю насчет размера состояния, но подозреваю изрядные богатства. А по жизни человек достаточно приятный и умный. Не ведет себя на манер выскочек, пытаясь показать, насколько велик, демонстрируя спесь. Мы с ним очень мило пообщались в дороге, и вовсе не на тему стихов. Про оспу и ее лечение. Очень заинтересовался и готов помочь в дальнейшем продвижении методики. Даже пригласил на свадьбу с Софьей Кирилловной Нарышкиной, вскорости должную состояться. Я не запрашивался — сам позвал. Теперь мучайся с подарком.

— Простите, что вмешиваюсь без приглашения, — воспитанно добавил он.

Оказывается, к нашему милому обмену мнениями по поводу литературы с интересом прислушивались. Вон еще рядом парочка настоуженных ушей. Всем любопытно, как стану отбредиваться от обвинений в излишней простоте слога, отсутствии настоящей книжной учености и вылазющим отсюда попыткам упростить язык. Я ведь сам прямо в статье так и провозгласил: необходимо считаться с изобилием речений на просторах нашей великой страны, убегать старых и неупотребительных выражений, которых народ не разумеет, и не сохранять неизвестно зачем оных, которые в простых разговорах неупотребительны.

Не случайно, ох, не зря прицепился Феофан со своим требованием написать «О пользе книг церковных в русском языке». Вывод из моих слов прямо напрашивается элементарный. Оставить позади старый церковно-славянский и идти дальше, развивая язык на основании его природных свойств и взаимно обогащая диалекты. Фактически так давно и есть, но вслух сие произнести — не очень красиво.

— Зачем? — Я показательно изумился. — Все предельно конкретно сказано. Я даже привел примеры различных рифм. Наш язык обладает неимоверным богатством и красотой. Во все не нуждается в разделении на высокий или низкий стиль.

— Слагать вирши на неблагозвучном материале... — ядовито отозвался Одоевский.

Я ему крайне не нравлюсь. Скорее всего, по причине происхождения. Прямо высказываться опасается, а подколками регулярно радуется при встречах. Почему-то в России есть лишь высшее и низшее общество. Среднее практически отсутствует. А я как раз посередине и болтаюсь.

— Я надеюсь, будущее нас рассудит.

— А почему бы не сделать проще, Михаил Васильевич?

— Это как?

— Ну возьмите одну тему — и пусть каждый напишет собственным стилем и размером.

Вот не было печали. Устраивать соревнования. Я же не Пушкин, с ходу не сляпаю. Строганов мне помочь хочет, да выходит медвежья услуга.

— А судить кто станет, Сергей Григорьевич? — спросил с ухмылкой. — Вы или князь? Или немца какого позовем для

правильного рассуждения и о чистоте, и о красоте русского языка? Нет уж. «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не споривай глупца». Пусть бесится, — говорю, почти напрямую обращаясь к князю Одоевскому. Я знаю себе цену.

Гул голосов неожиданно прервался с распахнувшейся дверью. Вся здешняя знать быстренько выстроилась шпалерами вдоль пути и замерла в тревожном ожидании. Широким мужским шагом в зал вступила императрица Анна Иоанновна. За ней устремились и остальные. В общей группе ближних допущенных лиц промелькнул и архиепископ Феофан.

Мой личный духовник. Наверное, столь пламенной и честной исповеди он еще ни разу не удосужился выслушать. Я вывалил святому отцу на голову полный набор смертных грехов. Все так и есть. Гневен, подвержен гордыне, завистлив, ленив, алчен, люблю вкусно поесть и не прочь заняться прелюбодеянием. То есть, проще говоря, бегал по чужим женам. Заполировал еще убийством по неосторожности и долго калялся.

Слез, правда, размазывать не стал, не настолько я плохо ценю Феофана. Его так просто не облапошить. Сам не праведник и с другими людьми самого разного калибра много лет имеет дело. Так что искренность абсолютная, с примерами. Единственное — баб по именам не называл. Он особо и не настаивал. Не из тех, что вечно любят зацепиться за клубничку и посмаковать. Архиепископа даже мой трупешник не заинтересовал. А вот по поводу гордыни и зависти полюбопытствовал. Все же вера в свои великие возможности и желание из грязи в князи пролезть не каждый день открыто проявляются.

Исповедуясь, я постоянно держал в голове, что святой отец стукачок позорный. Потому в основном распинался, помимо желаний обогатиться, еще и принести пользу Родине, но самое важное — о величии императрицы, мечте ей угодить, подняв притом свой статус и материальное благосостояние.

И пусть кто скажет, что все остальные о том не думают. Я ничуть не лучше и даже не скрываю. Хотя в душе, безусловно, раскаиваюсь. Все же грехи тяжкие. Помимо самовара, пришлось и деньгами подношение дать на церковь, но это уж как водится.

Главное, очистил меня, и после соответствующей епитимьи я получил отпущение грехов. Полное и окончательное.

А уж сколько раз молился согласно наложенному на меня, того ему знать не нужно. Во всяком случае, расстались мы довольные друг другом. Я — полученным благословением, он — убежденный в возможности воздействовать на меня прямо или косвенно.

Раз уж такой весь из себя грешник, проще включить в свои расклады. С идейными и бессребрениками тяжело иметь дело. Никогда не знаешь, какой финт способны выкинуть, взбрыкнув на пустом месте. А я насквозь понятный. Хочу подняться, денег и всего прилагаемого к высокому статусу. Значит, со мной можно иметь дело и в будущем. Только предложение должно оказаться достаточно заманчивым.

— Молодец, господин Ломоносов, — сказала царица, оставившаяся напротив меня. Трубецкой за ее спиной откровенно маялся тяжкими предчувствиями и хватался за грудь. Вряд ли похвалят за неведение и отсутствие своевременного доклада. А уж на виду у всех привечать подчиненного, игнорируя вышестоящего, — знак немилости. Как бы он задним числом не отыгрался. — Все правильно сделал.

— Служба вам, милостивейшая государыня, не долг, а счастье, — патетически провозгласил я.

— Собственным примером показал усердие и верность, — уже для остальных припечатала Анна Иоанновна. — Посему и награды достоин. Дома в столице не имеешь?

— Откуда, ваше величество!

— А жить где-то надо. Не на коврике же во дворце.

Окружающие охотно посмеялись.

— Выделить ему во владение место. На Васильевском острове аль Адмиралтейской стороне. Побольше, чтобы и гостям комнат хватило.

Опять смех.

— С условием построить в ближайшие время каменный дом.

Обалдеть. А я-то думал, как устроиться. В Петербурге с приездом множества народу серьезный квартирный кризис, а я упустил момент, сидя возле Лизы. Барону невместно жить приживалом, а на особняк пока не накопил. В ближайшей перспективе — вполне: морфия у меня на тридцать тысяч доз осталось. Если понадобится, можно и в таблетках продавать.

Хватит на два очень немаленьких дворца с обстановкой. Но не сразу. А здесь само в руки прет.

— Не корысти ради, династии служу!

Она посмотрела тупым взором. Кажется, перегнул. Фразочка вышла двусмысленная, но я рассчитывал, что царица правильно поймет. Служу, мол, не токмо племяннице ее, но и самой лично. Кажется, переоценил ум верховной барыни всея Руси.

— Мало, что ли? — с усмешкой переспросила. — И то — барон, а без земли.

Ко всему прочему, не шибко здесь баронское звание уважают. В оном числится каждый второй немец. Звучит иногда на манер насмешки. Русский барон — скорее звание финансовое.

— Я подумаю, а ты уж отслужи добросовестно.

— Век буду молить за щедрость, всемилостивейшая, — вскричал, прикладываясь к подставленной пухлой руке, униженной перстнями.

Слезы выдавить не удалось. Такое обещание равносильно ветру, где-то там прошумевшему. Но я ведь изначально губу не раскатывал, так что и недовольного изображать не стоит. Стоп, стоп! «Ветер, ветер! Ты могуч, ты гоняешь стаи туч». Почему раньше не вспомнил? А, эта сказка почему-то кусками. Ну и ладно. Всего Пушкина я не сопру. Пусть и ему останется.

— Помню свое обещание, Михаил Васильевич. — И хитренько улыбнулась.

Это про женитьбу? Так я и не выяснил, кого в виду имеет. Явно не из свиты. Не очень приятно выслушивать столь открытые угрозы. Видимо, не пронесет. Но и хорошо, что не прямо завтра.

Царица со свитой проследовала дальше, а меня принялись поздравлять люди, еще недавно воротившие нос. Какой-никакой, а угодил в фавор. Из всей немалой гоп-компании к единственному обратилась прямо, да по имени-отчеству, а не Мишкой назвала. Даже Одоевский вдруг стал приторно-сладким и принялся зазывать в гости. Ага, разбежался.

С трудом я дождался, пока последние незваные гости испарятся из помещения, прихватил доставленный теплый бульон в кастрюле, завернутый во множество тряпок для сохранения тепла, и вошел внутрь. Присевшая было Танька поспешно

вскочила, кланяясь. Нормальное дело сачкующие слуги. Ея величество по такому поводу собственноручно тяжелой рученькой хлещет по щекам. А я человек исключительно либеральный. Просто пальцем погрозил и сделал укоризненное лицо.

Воспитывать слуг — не мое дело. Пускай этим занимается князь Юрий Юрьевич Трубецкой. Обер-гофмейстер и прочее, прочее. Я на пустяки не размениваюсь. В зубы без крика, но исключительно при наличии повода. Просто так их мелкие вольности не особо меня касаются.

Это если не помнить, что горничные с удовольствием делятся с Танькой разными интересными вещами, а та исправно доносит до своего благодетеля — меня в смысле. Кто умудрился сахара кусок зажать или еще какая мелочь — это не трогает. А вот серьезные разговоры иногда ведутся и без моей персоны. Те же фрейлины треплют языком напрапалую, и проходит мимо моих ушей. А это недопустимо.

— Спит?

— Да, Михаил Васильевич.

— Ну и хорошо. Как говорится, «на новом месте приснишь жених невесте».

Девочка хихикнула.

— Проснется — позовешь госпожу Адеркас. Сама не корми. И ежели отказываться станет, — очень хотелось сделать грозную физиономию, однако решил не маяться дурью, а то не так поймут и доложат, — меня позовешь.

Глава 3

КАЗАК КЕРИМ

Снег скрипел под ногами и норовил залезть за голенища сапог. Ходить тут не иначе как на лыжах положено. Ни дорог, ни расчистки. Осчастливили, называется. Было бы приятнее получить участок на Адмиралтейской. Там самый густонаселенный участок Петербурга. С давних пор строятся, и нередко без малейшего плана, вопреки желаниям самодержца о прямых проспектах и каналах. Ночевать людям где-то надо? Вот и закрывали снисходительно глаза на самострой.

— Далеко, — недовольно пробурчал Керим.

Он бы предпочел проскакать на лихом коне, а не тащиться на своих двоих. К несчастью, конюшни я пока не завел, а на чем передвигаться, решаю без его советов. Извозчик запросил за поездку десять копеек — я за такие деньги лучше прогуляюсь. Засиделся во дворце. В печенках уже у меня сидит разнообразная писанина.

Как вечно в России, временное решение превратилось в постоянное. Кроме всего прочего, материковую часть не заливала по весне Нева, и не мешали передвигаться ледоходы и отсутствие мостов на многочисленных рукавах и островах будущего города. Адмиралтейская слобода бесконтрольно разрослась, улицы ее достаточно быстро стали напоминать нормальные русские или, если угодно, московские. Куча тупиков, кривых улочек и стихийных рынков. Правда, и горели дома частенько и дотла.

Посему на Васильевском уже при Петре образовался центр города, его парадный вид и витрина. Там прокладывали линии и строили набережные. Правда, не такой уж большой оказалась застройка, а императрица явно вознамерилась продолжить с прерванного отъездом Петра Второго строительства. Во дворце передавали ее желание заставить знать воздвигать дворцы здесь, на специально выделенных участках, переехав из Москвы. Идея в принципе не новая. Основатель Петербурга ее уже опробовал, да особого толку не добился. Ну и я, видимо, угодил под это дело.

Шутка насчет величины дома оказалась воспринята исполнителями на редкость серьезно. Судя по моим прикидкам, здесь не один участок, а шесть. Серьезная привилегия и обошлась мне абсолютно бесплатно. Правда, попутно в жалованной грамоте еще и четкое указание: в течение пяти лет построить каменный, а не деревянный дом. То встанет в серьезные расходы.

— И чего тут рассматривать? — опять подал недовольный голос мой телохранитель. — Ничего же не увидеть, пока снег не сойдет.

— Вода куда подходит, видишь? — я ткнул пальцем. — Там строить — себе вредить.

— Так никто и не пытается, — очень логично возразил Керим.

На добрый километр отсюда никакого жилья, даже самого захудалого.

Умом я все прекрасно понимал. Не так давно город основали и прочее, прочее. Но когда видишь эту пустоту, практически в центре Петербурга, а с другой стороны растет самый настоящий лес, подобно стене скрывающий противоположный край острова, становится дико. Меня даже Москва так не удивляла. Там все-таки куча народу и множество древних зданий. А здесь — пустота и ветер. Несколько отдельных слобод и полное отсутствие общей городской черты.

Между прочим, а если эти отметки слегка подвинуть, хапнув дополнительную площадь? Ну затес на столбе. Великая проблема вкопать подальше. Кто проверит? Да и обнаружат — всегда можно сослаться, что так и было с самого начала. Или ну его?

Недвижимость в центре столицы в цене падать не будет. Мои потомки, если, конечно, они появятся, неплохо смогут навариться, продав землю. Это, ко всему прочему, серьезный стимул к покупке в дальнейшем домов и участков. Уж что-что, а даже при полном незнании будущей застройки несложно догадаться, насколько выгодно будет иметь пусть и не в центре, но в самом Петербурге доходные дома. Сдавать, например, зажиточным, но по каким-то причинам не готовым покупать особняки с дворами.

Без архитектора здесь не обойтись, но я и так достаточно хорошо знаю, чего хочу. Уж свой собственный дом, в котором провел детство, не изобразить хотя бы в общих чертах — надо быть дебилом.

Значит, ограду с ажурными узорчатыми воротами. От них идет дорожка, которая ответвляется в сторону постройки чуть слева. Там у нас был гараж, здесь соответственно конюшня. Еще пристройка для слуг, хозяйственные сараи, погреба для продуктов, амбар. Деревья для тени. Хотя проще сохранить часть уже растущих, не вырубая бессмысленно. Если получится, можно небольшой садик устроить с летней беседкой.

В глубине двора поставить двухэтажный дом, отгороженный от остального участка забором из досок. Или сразу каменным. Желтый цвет стен и белые колонны. Смотрится приятно. Количество комнат, салон для гостей — это все без проблем.

А вот с туалетами надо хорошо подумать. В принципе никаких проблем вывести трубы прямо в реку. Ниже по течению.

Насчет загрязнения законов, кажется, не существует, но для воды понадобится отдельный колодец. Водопровода еще не придумали, как и очистных сооружений. Самое интересное — сливной бачок. Я могу его изобразить, уже пробовал. Конечно, из пластмассы за неимением не выйдет, придется вместо подвешного чугунный устанавливать и начинку из железа, но вопрос решаемый. А вот откуда брать воду? Самоходом вверх не пойдет.

— Ладно, — произнес вслух, — посмотрел. Заодно и погуляли. Пора и честь знать. Топаем назад, пока не стемнело.

Керим с готовностью развернулся, не пытаясь ничего сказать. Он очень послушный. До определенных пределов. Задевать его честь, что бы ни значило, никому не позволительно — так и предупредил с самого начала. Не удивлюсь, если в один прекрасный день, обидевшись, просто канет в неизвестность, как пришел без спроса и разрешения. Как с такими понятиями в рабах ходил, я не понимал, а он объяснять не желал. Сразу замыкался. Ну, не шибко важно...

Вода для слива... Насос, вместе с электричеством, мне нало, отсутствует. Выходит, на первом этаже устроить, а воду сверху. Но как туда поднять? Проще всего заставить прислугу таскать, как в ванну, да ведь разбегутся горничные от такой работы. Каждый раз после посещения унитаза бегать с ведром. Дешевле напрямую сливать из него этажом ниже. Кстати, тоже вариант. С кем бы обсудить серьезно. Ладно, до весны терпит, даже проекта пока нет, но пришла пора взяться за здание всерьез.

Требуется не меньше двух корпусов дополнительно. Или один большой. Нет, вроде не поместиться. Ставить по углам участка, отдельные. И входы самостоятельные. Для химических опытов и механических. Вытяжку обязательно соорудить, а то перегонять нефть в закрытом помещении — недолго и до головной боли доработаться, и пары взрывоопасны. Еще кучу всякого оборудования дополнительно заказать. Помимо баночек да колбочек, уже имеющихся, печь плавильную, обжигающую, мехи для раздувания огня и бог знает что еще. Тиски, например, и точные весы.

Деньги, деньги, постоянно деньги. Чуть полегче становится — сразу опять траты на очередной проект. И немалые. А Анна Иоанновна совсем обалдела. Требуется на прием два раза в одном платье не ходить. Так кого угодно до долговой ямы довести можно. Зачем эта бьющая в глаза роскошь? Иностранцев поражать? Да плевать на их мнение. От золота польза должна быть, а не блески красивые в воздухе. Нет, на удовольствие тратить — это совершенно нормально. Так именно для удовольствия, а не напоказ!

— Хочешь свой отдельный флигель? — спрашиваю без особого интереса. — Могу построить. Скажи какой.

— Не заслужил пока, — отвечает Керим серьезно, почти дословно повторяя догадку.

Так не завтра же, пока и на походной койке поспишь, мысленно возражаю. Хорошо еще, не укладывается прямо на коврик у двери. И ведь все из самых лучших побуждений: ни одна собака мимо не проскочит. Обязательно споткнутся о него и нашумят.

От резкого толчка я улетел вбок, приземлившись задницей в сугроб. С запозданием обнаружил дымок от пистоля в руке здорового детины. Еще двое, с немалого размера дубинами, ломались от деревьев в нашу сторону со зверским выражением на бородатых мордах. С оторопью понял — это не просто грабители, они готовы убивать изначально. И стреляли, а я даже ничего не заметил.

— Псы паршивые, — сказал Керим презрительно и двинулся навстречу, выхватив откуда-то громадный тесак. Честное слово, я его раньше не видел. И вообще больше всего это орудие смахивает на мясницкий нож, спертый на кухне, а не на приличную шпагу.

Керим танцующей походкой уклонился от удара, мужик взвыл, роняя дубину вместе с кистью и падая на колени. Нырнул вниз и вбок, заставив раскрыться второго в широком замахе. Со спины ничего не разобрать, детина странно булькнул и завалился на спину, держась за горло. Тот, с пистолетом, видать, оказался сообразительным и метнулся под елки. Керим швырнул ему вслед свое орудие. Никогда бы не подумал, что оно может быть метательным. Во всяком случае бандит с шумом завалился, взметнув над головой грязные подошвы.

Все это произошло настолько быстро, что я только и успел подняться. Даже не попытаюсь окликнуть своего телохранителя, деловитым шагом направляющегося к елкам, подошел к сваленным грабителям. Безрукий продолжал сучить ногами, уже не стараясь зажать обрубок руки. Жизнь из него уходила прямо на глазах, стремительно. Второй и вовсе не нуждался в помощи. Это со стороны казалось, что голова на месте. Керим одним ударом перерубил бедняге позвоночник, и она не отлетела исключительно по причине держащего остатки шеи лоскута кожи.

Мне всерьез поплохело. Такого видеть еще не приходилось. Из желудка в рот пошла кислота — и лишь огромным усилием удержался, не обрыгав труп. У него и без меня видок отвратный, однако нет причины уделять хуже. Отошел на ватных ногах, стараясь не коситься на черный от крови кожух и растаявший в красную водицу снег. Мало приятного любоваться такими вещами.

Не прошло и пары минут, как вернулся Керим, волоча за ногу третьего. Он не особо выбирал направление, и голова бандита пару раз отчетливо треснула о мерзлую землю и камни. Человек извергал смачную ругань, но особо не дрыгался. Руки стянуты какой-то веревкой, а физиономия вся разбита.

— Он что, живой? — очень «умно» спросил я сипло, в душе счастливый, что получил хоть чуток времени и успел прийти в себя. Позывы к рвоте задавил, ноги практически не дрожат с перепугу и даже способен разговаривать.

— Так спросить надо, кто послал и зачем.

— Грабители, будто не видно. Одеты прилично, вот и решились разжиться.

— А стрелять зачем? — очень логично потребовал Керим.

— Пугали мы, — взвыл мужик не очень убедительно. — Христом Богом клянусь, никого убивать не собирались.

— Целым ты ведь не нужен? — спрашивает Керим.

— А что?

— Ну там пальцы отрежу, глаза выколю, от носа и ушей избавлю. А убивать — ни-ни. — Он присел возле пленного, и тот взвыл от боли.

Что конкретно сделал, я не разобрал, однако ножа в руках Керима не имелось.

— Керим! Прекрати!

Он обернулся на меня со странной смесью жалости и насмешки во взгляде.

— Вы бы, Михаил Васильевич, шли по дороге, будочника позвали али еще кого. А мы тут сами разберемся.

Бандит взвыл, призывая к милосердию и каюсь во всем сразу, причем ни одного конкретного имени или даты не произнес. А я подумал и не стал возражать. Всепрощенчеством не страдаю — просто не вижу необходимости мучить человека. Места здесь такие, не первый случай. Правда, действительно до сих пор имущество отнимали, на жизнь не покушались.

А если кто и подкинул этим ребятам пару монет лично меня пугануть, он вряд ли представился по всей форме. Беднякам я дороги вроде бы не переступал, да и не станут нищие нанимать сомнительных чужаков. Компаньоны мои по разным деловым гешефтам подсылать тоже не станут. Не те люди, да и воспитание.

Кое-кто раньше вполне способен был дать в морду, вроде Козьмы или Демида, но с моим дворянством уже чувствуют свое место. Разве на спину украдкой плюнут — чего серьезнее не посмеют. Да и договорился я со всеми нормально, не стал жилы дергать и лишать последнего. Какой им смысл?

Графы с отребьем лично не якшаются, через посредника все справят. Ну назовут кабак, где встречались. Дальше что? Искать концы муторно и заранее известно — бесполезно. Да и не верю. Никому особо не мешаю. Я в политике нуль, полный. Должностей не имею и ни на что не влияю. Вот перейди дорогу кому-то всерьез — могло бы и приключиться.

— В карманах у них пошарь, — говорю на прощанье. — Вдруг что интересное найдешь. По-любому трофеи честно заработал.

— Это уж как водится, — пробурчал Керим за моей спиной. Не прошло и минуты, там раздался сдавленный стон. Не в курсе, принялся он исполнять обещания насчет шинкования или пока развлекается, но проверять не стану.

— Надо было убедиться, — уверенно заявил он поздним вечером, когда наконец мои мытарства по привлечению народа к уборке трупов и отправлению живого в тюрьму закончились. Мы, добравшись до дворца, уселись за стол. Поужинать, а за-

одно и выпить — кому как, а лично мне не мешало. — Вдруг подсылы, так и еще придут.

Уж больно денек выдался неординарным. Я изрядно пополнил мысленный реестр недостатков и глупостей в здешней России. Никто не желал брать на себя обязанности заниматься происшествием. Полиции в моем понимании не существовало. То есть нечто имелось в виде пресловутых будочников, перегораживающих по ночам кварталы и обязанных следить в них за порядком, чистотой, сомнительными людьми, — список положенного оказался при ближайшем рассмотрении длинен. Другое дело — реальность. Чаще всего они и не высовывались на крики: своя шкура дороже.

С офицерами положение тоже обстояло не лучшим образом. Чаще всего в полицию попадали после армии — пожилые или инвалиды, не сделавшие карьеры. То есть, скорее всего, неудачники, глупцы и неумехи. Более умные предпочитали лучше оплачиваемую и престижную службу. Знанием законов даже начальство не было обременено, никаких методичек в принципе не существовало, как и курсов по повышению квалификации. Ну и вели себя начальники соответствующим образом. Чаще всего поступая не по правилам, а по справедливости. Иногда это даже хорошо, но не когда полицейский отрабатывает взятку.

— Так не подсылы!

— А знать этого заранее нельзя.

Как ни странно, мы застали живого в здравии. И даже членов у него на первый взгляд не поубавилось. Хотя судя по боязливым взорам, бросаемым на Керима пленным украдкой, все же допрос оказался достаточно жестким.

— Зато теперь знаем.

— Наверное, не про всех, но четырнадцать человек убитых — тоже не самое приятное. Ишь, додумались свидетелей не оставлять — и никто, мол, не узнает! Пропали — и все.

Мы со своими бандитами оказались как бы вне поля деятельности здешних органов. Тем, что за городской чертой, должна заниматься армия. Мои попытки доказать, что разрешение на строительство выдано как раз полицмейстером и, значит, случай входит в их компетенцию, натолкнулся на сплошную глухоту. Оно им надо — создавать себе проблемы?

Пришлось сбегать до ближайшего офицера. Слава богу, я измайловцев знаю достаточно многих, и они меня тоже. Литературная слава в очередной раз оказалась полезной. В результате вопрос оказался решенным, и без промедления. Чисто по знакомству. Обычное дело.

Ко всему еще, помимо Москвы с Петербургом, даже такой полиции не существует. О том меня поставили в известность с превеликой гордостью. Дикое время. Куда ни ткнишь, вечно отсутствуют даже простейшие нужные нормальным людям государственные структуры. А есть — так не действуют.

Честное слово, если когда-нибудь я сумею пролезть наверх, одним из первых мероприятий станет организация нормальной службы по охране порядка с четким расписанием прав и обязанностей, а также значительным поднятием жалованья у чинов полиции. Другого способа привлечь людей просто не вижу.

— Скольких ты убил? — спросил телохранителя, достаточно приняв на грудь, чтобы не смущаться.

— Да не знаю я, — легко отказался Керим. — Много. Вот первого своего до сих не забыл. А дальше проще. Где сотня, там дополнительный десяток незаметен. Когда татар бил аль ногайцев — так вовсе не разбирался. Всех подряд. — Он скрипнул зубами. — Ненавижу.

— А пошто так не любишь?

Он долго молчал, я уж решил — не дождусь объяснений. Затем, будто продолжая монолог, заговорил внезапно.

— Я — никто, — сказал, глядя мне в глаза. — Без имени, народа и веры. Все отняли. И не прощу.

Опять длинная пауза.

— Мне лет пять было, когда налетели и всех побили. Я даже не знаю, где мы жили.

Я налил в кружки, и мы не чокаясь выпили. Обычай этот оказался старинным. Поминают умерших таким образом.

— Отец точно немец был, и с ним я говорил на его языке. Подзабыл, да пришлось кой с кем общаться — всплыло. А мать... — Он растерянно развел руками, задев тарелку. Она с грохотом свалилась на пол, но он даже не обернулся. — Вроде на русском говорила, но не уверен. Плохо помню. Еще двое старших братьев было.

Кажется, моя очищенная водка крепко дала по мозгам Кериму. Впервые он делился личным. Выпить вполне способен, но, помимо вина и пива, никогда не наблюдал за ним любви к крепким напиткам. Хотя в чем на самом деле могу быть уверен...

— Русский я знал, но не очень хорошо. То ли соседи были, то ли в поселке на нем говорили. Но где был поселок? Хотя на самом деле все равно. Татары всех порубили, только молодых парней и девок в полон забрали, а деревню сожгли. Родичей я больше не видел, и остается лишь надеяться, что спрятались вовремя. Не верю, но надеюсь. Больше всего болит, что увижу их или братьев — не узнаю. Столько лет прошло!

Мы добавили еще. А потом еще. Он молчал и смотрел в стол. Подталкивать я не пытался.

— Кочевникам рабы не нужны, — заговорил вновь Керим. — За скотом ухаживать надо, перегонять на пастбища. Их богатство и жизнь не в золоте, а в величине стада. И чужому доверить столь ответственное дело нельзя. Конь под рукой, роги рано или поздно выяснит, сбежит. Потому есть в основном домашнее рабство, но там особо много слуг и без надобности. Или женщин берут на роль младших жен. Да тоже нечасто. Без привычки в степях долго не протянешь. Мне, наверное, повезло. Не в Турцию поехал для отдачи в янычары или, того хуже, в евнухи. Подвернулся один покупатель поближе, натухэй...

— Кто? — переспросил я невольно.

— Есть такое племя на Тамани. Адыги. На левой стороне Кубани живут.

Надо озадачиться поиском карт, подумал, понимающе кивнул. Кубанских казаков помню, а адыгейцы — это ведь не иначе должны на Северном Кавказе жить.

— У него дети померли, вот и решил меня вроде как усыновить. Я жил в семье как свой. Имя дали, рядом с собой усадили. Работал, скот пас. Оружие имел. Уже большой был... Не скажу сколько. Годов мы не считали, но на девушек уже начал заглядываться. Однажды вернулся домой, а там пепелище. Уже второй раз. Ногайцы наскочили. Они эти земли считали своими вассальными, а местные при случае платить отказыва-

лись. Вечно там все друг с другом воевали. Куча народов, даже русские некрасовцы жили.

— Это кто?

— Да есть такие казаки, после восстания Булавина на юг ушли и туркам присягу дали. На их стороне воюют. А султан им земли выделил.

В очередной раз я убедился в альтернативности здешнего мира. Казаки всегда боролись с басурманами за землю русскую. В любом фильме или книге. Я, собственно, не очень их читал или смотрел, но вон в «Тарасе Бульбе» целые речи перед смертью закатывали про правильную веру и любовь к Родине. Жутко раздражало. Не может человек на копьях речуги толкать, ему должно быть зверски больно. Но ведь вставляет! А тут казаки за турок сражаются. Не бывает.

— Пошел к хану, — продолжал Керим, — а он мне и говорит: «Догонять поздно и бессмысленно. Они сильнее, воевать всерьез сейчас нельзя. Иди ко мне нукером». Может, и стоило, — сказал задумчиво, — но тогда кровь взыграла. Не отомстить за родичей подло. И пошел я искать ногайцев. Нашел парочку, прикончил, коней отнял. А дальше меня ловить начали. Ну да я смог уйти, только возвратиться не сумел. Аж до Дона доскакал. К тамошним казакам пристал. С кубанской ордой регулярно секлись и татар тоже при случае донимали. А мне того и надо. В Поволжье погулял. Там места хорошие. Как Царицынскую линию провели, стали мужики садиться на землю. А до того одно Дикое поле. Кто кого первым заметит и зарубит.

— А к Ибрагиму как попал?

— Да сманили робяты меня Сибирь посмотреть. До Иртыша дошли, мехов у бухарских купцов награбили. — Это он сказал как о деле обычном, ничуть не отрицательном. Пустяки, дело житейское. Что те караванчики явно не рвались добром делиться с неизвестно откуда взявшимися вооруженными людьми, и скорее всего их прикончили, его не трогало. — На обратной дороге и влетели на башкир. Они вроде в российском подданстве, да те еще разбойники. Не повезло. Всех, почитай, побили, одного меня почему-то бросили еле живого. Наверное, за мертвого приняли. А тут купцы ехали. Подобрали, вылечили.

Возможно, обратился правильно да про Аллаха помянул, а то бы добились, перевел я без промедления. Понятно, не рассказывает некоторых подробностей.

— Я не раб был, — заявил сердито. — Стал бы подчиняться! Убег бы сразу, как на ноги встал, тем более в Москве. Нет. Они ко мне отнеслись по-человечески, а должок отдавать положено. Не завались ты к Ибрагиму — месяца через три все одно бы расстались.

В очередной раз тебя накололи, Миша, подумал я весело, чокаясь. В голове слегка шумело. Пора заканчивать посиделки и спать. Широкий жест Ибрагим сделал. Фактически в дурака превратил. Все равно бы Керим у него не задержался. Так якобы отдал — потом благодарности захочет. Еще бумагу оформляли, смех один.

— Уйдешь? — спросил вслух.

— Зачем? Я же говорил: дома нет, родичей тоже, добра не нашол. Пока не обижаешь, — это с ухмылкой, — погоду. А то надоело мотаться.

— И долго ты за зипунами бегал?

— Лет пятнадцать, — подумав, ответил Керим. — Чуток больше. А что?

Значит, действительно где-то за тридцать — тридцать пять или около того. Хотя ведь сам не в курсе, сколько лет. Полжизни с саблей в руке. Кровищи на нем... Куда там сегодняшним недоумкам. Но ведь не против, а за меня. Выходит, все к лучшему.

— Пытаюсь возраст твой посчитать.

— Каждый живет как Бог даст. Кому в младенчестве предписано умереть. Другой живет до старости. Уж и сам не рад, а все скрипит.

— Минуточку, а ты, собственно, в какого веришь?

— Ну, — закатывая глаза, произнес Керим, — чему в детстве учили, не помню. Токмо если из немцев — наверное, в лютеранство крещен. На Тамани вроде как мусульманином считался. Мечетей у нас не имелось, а Коран по-арабски написан. Я многие наречия знаю, но не язык Мухаммеда. Мы больше по обычаям старинным, по адатам жили. Без книжных премудростей.

Очень хотелось спросить — обрезан ли, но то проще посмотреть в бане.

— А потом в основном с раскольниками гулял. На Дону и в Поволжье через одного. Ваши попы не одобряют. А мне все равно. Бог — он один. Молись на любом языке и хоть в чистом поле. Главное — чтобы от души шло. Я вот за своих всегда прошу. И за тех, родивших, и за воспитавших, и за учивших драться, погибавших рядом. И за тебя. За язык не тянули, сам захотел свободу дать. Ты человек правильный, пусть и крученный.

Ну спасибо.

— Не может он не слышать, — закончил с глубокой убежденностью.

— Керим, — сказал я после короткого раздумья. — Я так понимаю, ты не станешь сопротивляться, если предложат креститься?

— Зачем? Я же говорю...

Я отмахнулся нетерпеливо, прерывая возражение.

— Ты мне сегодня спас жизнь. Помолчи! — рявкнул. — Пусть для тебя пустяк. Для меня — нет. На обряде я стану крестным отцом. Духовное родство пуще плотского. Мы станем родичами. Настоящими. По всем законам и обычаям. Кровь не суть важна. Вот, — споткнулся я, окончательно иссякнув.

— Это вроде побратимства? — спросил Керим, подавшись вперед.

— Ну вроде, — я нерешительно согласился. Откуда знать, что именно он вкладывает в понятие. Руки резать и кровь смешивать? Это такая мелочь! — Когда нет родителей, крестный исполняет их роль.

Звучит несколько странно, при нашей разнице в возрасте. Тем более при его боевом опыте и знании жизни. Семья — это ведь не дом, не место, где мы живем. Семья — близкие люди. Они заботятся о тебе, ты о них. Не по обязанности, по велеанию души.

— А в крестную кого? — деловито потребовал Керим.

Похоже, он уже согласился. Оптимально было бы подключить Лизу, но она пока не православная, и нельзя. И, кстати, очень хорошо надо кандидатуру обдумать. В перспективе крестные не имеют права на женитьбу между собой. Даже с их детьми какая-то лажа. Может оказаться полезно или напротив. Подходить к выбору важно ответственно.

— Предлагай! — сказал с интересом.

Глава 4

УРОКИ ИСТОРИИ

— Давным-давно...

— Я просила настоящую историю, а ты опять сказку выдумываешь!

Ну вот, слегка полегчало — и опять начинаются требования. Хорошо еще, тем бульоном в буйну голову не запускает. Правильно воспитанный в данном отношении ребенок. Хотя если задуматься, не такая уж и маленькая. Подросток. Четкой даты совершеннолетия не существует. Вышла замуж — значит, взрослая.

Ну нам эти страсти пока не грозят. Не столько из-за отсутствия женихов, сколько из-за разборчивости Анны Иоанновны. Мне представляется, не хочет выпускать Лизу из-под своего влияния. Муж неизвестно как себя поведет. Вдруг руки сильно загребушие и на трон позарится? К счастью, пока время терпит, и не моя печаль.

— Почему сказка? Самая что ни на есть чистая быль. Просто я, как вам, ваше высочество, известно, частенько в датах путаюсь и посему старался не соврать. А побеседовав с умными людьми, пришел к выводу, что никто толком и не знает правильных дней. Одни летописцы называют один год рождения и окончания правления, другие иной. На самом деле и не столь важно. Было это во времена Ярослава Мудрого, то есть очень давно.

— А Тарас Петрович...

— Вот с ним я спорить не стану, потому и давным-давно.

— Ну ладно, — милостиво разрешает Лиза, — продолжай.

Действительно, чего это меня понесло не в ту сторону. Еще не хватает начать разоблачать святость Ярослава и кто убил не менее святых Бориса и Глеба. Про норманские саги я в курсе — через Олафа, любившего порассуждать о викингах и старых временах. Тем более что ему приятно было разоблачить князя, продемонстрировав славянину (мне то есть) коварство его народа.

Оказывается, у варягов совсем другое написано, чем в русских книгах. Не Святополк Окаянный братьев кончил, а очень даже по приказу Яруслейва. Только где те саги, их еще не запи-

сали, и слова мои недоказуемы, зато пахнут клеветой и желанием опорочить православную церковь. История во все времена нехорошо отдает политикой, и лучше ее без веской причины не касаться.

— Семь столетий назад времена были несколько другими. Могучая Русь свысока поглядывала на Европу, где нравы оставались грубыми и примитивными, а государства мелкими и слабыми. Иные бароны и герцоги презирали своих сюзеренов за бедность с отсутствием силы и не собирались исполнять их приказаний. А уж грызлись между собой постоянно! И на этом фоне блистала своими городами, храмами и богатствами единая Русь! Внутренний порядок, спокойствие, отсутствие войн, токмо на окраинах державы.

Для этого, правда, пришлось предварительно родных братьев помножить на ноль, но вряд ли стоит сейчас тему затрагивать. Каждому овощу свое место.

— И не искали князья немецких принцев, чтобы породниться. Напротив, дочери Ярослава крайне ценились в соседних державах.

Куда-то опять не туда меня понесло. Ладно, пока слушает.

— Далеко смотрел великий князь и стремился связать соседей династическими союзами. Одна дочь становится супругой короля Венгрии, другая — норвежского, и вроде после его смерти еще и за датского короля замуж вышла. Сестра его стала польской королевой, а сын Ярослава одновременно взял за себя сестру польского короля. Еще один на австрийской принцессе женился. Вроде бы даже с дочерью базилевса умудрился сына обвенчать. Это я уж не поручусь. Разное говорят. Может, и просто из высокого рода. Другое важнее. Помимо перечисленных, была у великого князя еще одна дочь — Анна. Умница, красавица, статная, с голубыми глазами да с пылким нравом отца.

— Тарас Петрович утверждал, Ирина, мать ее, сама отличалась сильным темпераментом.

— Не буду спорить, — покладисто согласился я, — он в древней истории много больше моего знает. У Татищева и Черкасского домашние летописи читал.

— Ты давай продолжай. Нечего скромничать.

— Я, помимо дремучей невежественности, на собственном примере еще и состояние нашей российской истории оцени-

ваю. Есть куча летописей, кои хранятся в домах, монастырях или гниют без смысла в архивах. Во многом они повторяются, иногда дают новые факты или вообще противоречат друг другу. Чем занимается академия и зачем там в ней факультет истории, если до сих пор отсутствует полная история государства российского, я уж не представляю. Кому там платят и за что?

— Я-то что могу? — очень справедливо удивилась Лиза.

На самом деле очень много. Хотя явно не завтра. Сейчас от нее отмахнутся, но если вопрос поднимется несколько раз, рано или поздно возникнут подвижки. Естественно, в той академии бардак. Гимназия практически не работает. Без моих просьб к Бирону и русских студентов не набрали бы. У них и устава до сих пор нормального нет. Я как выяснил, всерьез поразился. Никому не хочется лишнего труда, но надо же совесть иметь!

— Вот пятерых из набора Спасской школы, — говорю вслух, — собираются отправить учиться горному делу, троих химии, двоих — математике и механике.

Фактически они получают обо всех этих вещах представление. До специализации еще не доросли. И слова такого пока никто не слышал. Любой инженер при необходимости тебе особняк или порт построит, архитектор крепость, да оба еще и в плотинах разбираются. Один я все больше по верхушкам нахватался и в калашный ряд даже пролезть не пробую.

— Только опять же Сенат денег не выделяет. Обещали на каждого сто пятьдесят рублей, а всего выдали триста. Болтаются парни без дела, недолго и в нерадение впасть. Уж очень много соблазнов в столице.

— Будем считать, я согласилась ходатайствовать за будущих ученых, — нетерпеливо ответила Лиза. — Как разрешит врач покинуть изоляцию, так и схожу к тетушке. Не знаю, поможет ли мое обращение, скорее нет, но я поняла столь явный намек.

— Право же, я не собирался ваше высочество куда-либо подталкивать, — смешавшись, начал я мямлить.

— На душе горит? — очень по-взрослому спросила Лиза. — А я с разными детскими глупостями пристаю.

Тут и не знаешь, как ответить. Если уж она меня насквозь видит, за серьезные интриги лучше не браться. Наверняка ведь

с раннего детства вокруг вьются всевозможные типы, норовящие через нее себе кусок оторвать. Давно должна была привыкнуть и различать дальние подходы. В каком-то смысле и я ничуть не лучше. Пытаюсь внушить удобные идеи. А для кого? «Держава» — красиво звучит. Скорее лично себе на пользу. Не очень красиво, тем не менее мысленно могу и признать: немалая доля истины в том присутствует.

— Имею право, — так же серьезно продолжила она. — Делу время, потехе час. Могу я поболеть себе в удовольствие?

— Это разве при чесотке бывает, — автоматически произнес, — чем больше себя дерешь, тем приятнее.

— Да?

— Лучше не проверять, — поспешно предупредил.

— Да не особо и хотелось. Доктор Санхец приговорил еще три дня, — произнесла после паузы. — Затем меня выпустят из заключения.

— Для вашего блага.

— Я знаю, — нетерпеливо сказала, отмахнувшись ладошкой. — Еще и чтобы заразительности избежать для других людей. Все так. Вот тогда подробно все расскажешь. А заодно еще и про письма поступающие. Обычных, с добрыми пожеланиями, можешь не излагать. Запишешь имена, и все. Как у короля Матиуша делали.

— Слушаюсь, ваше высочество.

Я так и собирался, но приятно, что запомнила: не зря старался. И есть отдельный разговор. Скорее, предложение. В ближайшие пару недель в Измайловском полку свадьба, крестины и посещение больных солдат. Естественно, не инфекционных. Очень важно заводить связи с офицерами, но и солдат не забывать. Кому на чарку, кому еще на какую нужду подкинуть. А уж крестить ребенка или присутствовать на свадьбе — в обязательном порядке. Крестная мать здесь и сейчас считается практически родственником, и положение налагает достаточно серьезные обязательства на обе стороны.

Остальные полки тоже нельзя забывать, но начинать надо прямо сейчас. Люди должны знать и любить будущую хозяйку. Или как минимум ждать от нее наград и милостей. Чтобы еще один Меншиков не вывел на площадь перед дворцом войска перед коронацией, а на штыки его взял.

— Перестань, — попросила Лиза, слегка морщась. — Не надо так формально, когда мы не на людях.

— Такая уж у вас доля, — демонстративно поворачиваясь и глядя на горничных, расположившихся в углу, и гувернантку, ответил я. — Мне забываться неуместно. Положение обязывает.

— Ага! А как воспитывать и определять, чем заниматься, — так можно. Ладно, ладно! Не станем ругаться. Лучше продолжи об Анне. Ведь не зря завел разговор?

В голосе определенно присутствовало ехидство. Действительно я прозрачен до невозможности. И ведь папаша точно не стекольщик был.

— Понимаете, ваше высочество, история Анны Ярославны действительно непростая. Например, я понимаю, зачем связывать брачными узами Русь с венграми, поляками, норвежцами. Тишина на границах не обязательна, территориальные споры никуда не исчезают, но некие дополнительные дипломатические возможности в результате появляются. Это нормально. А зачем отдавать княжну во Францию — не доходит. И ведь держал ее лет до двадцати пяти дома, будто не мог найти жениха. А потом раз — отправил за тридевять земель. Ни военной, ни еще какой помощи не дожидаться: очень уж далеко. И сегодня поездка сложна и не всегда приятна. А тогда... Всякий барон сам себе начальник и норовит ограбить или хотя бы взять пошлину за проезд.

— А сами французы что говорили?

— Тут, извините, если по этикету грубо прозвучит, тонкий момент присутствует. Королю нужна была... э... заморская жена. В те столетия, как, впрочем, и нынче, брать за себя ниже статусом нельзя было. Вот и брачевались постоянно родственники в своем собственном кругу. И достаточно часто начали появляться на свет сумасшедшие или уроды.

— Да, я знаю о таких вещах. Потому и церковь запрещает близкородственные связи.

— Правильно! С тех пор и пошло. В Европе запретили браки между родичами до седьмого колена. Хуже того, воспретили не просто кровных, но и родственников умершего супруга, что ни в какие ворота не лезет. В итоге пришлось искать новую королеву аж в далеком Киеве. Благо, по слухам среди французов, женщины нашего народа покладисты и добродетельны.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. СТОЛИЧНАЯ ШТУЧКА	5
Часть вторая. ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СТРАНЫ	173